

Имя писателя Петра Шмакова широко известно сельчанам. Многие его рассказы печатала наша газета, и читатели сами могли видеть, как от одного произведения к другому креп голос автора. Его рассказы печатал альманах «Огни Кузбасса», передавали по областному и центральному радио. И вот перед нами первая самостоятельная книга писателя - земляка, выпущенная столичным издательством «Современник».

Шестнадцать рассказов собраны в сборнике под одной «крышей». В нем нет, как обычно бывает в книгах, разделов, объединяющих рассказы по тематике. «Ветка рябины» — шестнадцать самостоятельных произведений, развивающих и дополняющих друг друга. Это — шестнадцать исповедей о судьбах и назначении человека на земле, о его отношении к добру и злу, о любви к Родине.

Извечную проблему отцов и детей затрагивает автор в рассказе «Наследники». Это, пожалуй, одно из самых «психологических» произведений сборника.

Страшна идеология старого скопидома Купцова, сделавшего главной целью своей жизни тихое благополучие и обогащение, причём, обогащение за счет ежеминутного ущемления даже самых близких. И не случайно безвременно умирает супруга Купцова Дарья, радуясь: «Слава те господи... Замаялся я на этом свете». Бросает отцовский дом дочь Настя, уезжает в город. «Настя-то какой оказалась, — думает Купцов о дочери. — Как можно вот так: раз — и уехать к черту на кулички из родительского дома, где полный достаток... Понятия нет никаких о смысле жизни у этой молодежи. У Дозора его куда больше».

И Купцов всю свою любовь отдаёт бессловесному преданному псу, ревниво охраняющему богатства хозяина. Но вот издыхает пес, и тоска изводит, изъедает Купцова, по ночам его мучает бессонница, он размышляет о смысле жизни, по-прежнему мысленно защищая свою идеологию от незримого врага. И когда приезжает в гости Настя с мужем, Купцов — неожиданно для себя — предлагает:

— Оставайтесь! Не пожалейте. «Волгу» возьму вам, на курорты хоть кажен год. Байкал или куда там еще. Наследниками будете.

Но Настя и ее муж отбиваются от такого наследства. «Хлопнула калитка, и по сердцу полоснуло угрюмой болью и тоской. Купцов сорвался с места, в два прыжка подскочил к воротам, распахнул их настежь, взмахнул руками, хотел крикнуть вдогонку, но поперхнулся и зашелся в глухом, долгим кашле...»

Так развенчивает писатель

чуждую советскому человеку, хоть, может, и не так уж распространенную, идеологию, сущность которой коренится в мешанстве.

Переключается в чем-то с «Наследниками» и рассказ «За освещенными окнами». Стяжательские устремления бригадира Геннадия Филипповича чуть было не вовлекли в опасную авантюру колхозного шофера Кольку, паренька кристально чистого, но по-детски наивного в житейских вопросах. И когда брига-

да — подросток — всегда есть подросток — вместе с другими ходил войной барак на барак, улица на улицу, часами пропадал у железнодорожного полотна, по которому везли на восток изуродованную, обожженную военную технику, а на запад эшелоны солдат, сутками дрог в худенькой одежонке за хлебным пайком.

...Номера очереди писали тогда химическим карандашом каждому на руке. И вот с мальчишкой стряслась бе-

„ВЕТКА РЯБИНЫ“

(О первой книге Петра Шмакова)

дир сует Кольке пачку ассигнаций, вырванных за продажу «налево» с помощью Кольки колхозных помидоров, паренек прозревает, вскакивает от догадки, «прозвизавшей его разом, и швыряет эту пачку денег обратно». Чистая душа осталась незапачканной.

Но не надо думать, будто все поколение отцов в книжке подобно Купцову и бригадиру Геннадию Филипповичу. Отцы могут и постоять за младших, как это делает в рассказе «Синее-синее» бригадир Жариков, добываясь «вольной» для талантливого паренька Мишки Кочеткова, хотя шоферы позарез нужны и селу, и понять страдания деревенских мальчишек к отжившей свой век лошади — «фронтовика» Горбачу, как это делает председатель колхоза Иван Афанасьевич, оставляя на довольствии старую клячу, когда каждый клоц сена и соломы на вес золота («Наш друг — Горбач»).

На полном основании свои рассказы «заселяет» Петр Шмаков молодыми людьми, преданными земле, Родине. Это — и цельная натура Ленка в одноименном рассказе, и подросток Васятка, на глазах у всех становящийся мужчиной («Рождение»), и взбалмошный и «омужиченная» трактористка Ирка Шведова («Молодец, Шведова!»), и многие другие.

Во многих своих рассказах писатель возвращается к теме войны. И это не случайно — и его детство, как детство многих героев книги, было опалено пламенем Великой Отечественной. В ряде рассказов автор как бы пишет свою автобиографию.

Особенно впечатляющая, на наш взгляд, в этом отношении его исповедь «Хлеб». Писатель ведет повествование от первого лица. Его герой

да: как-то незаметно, в непогоду, карандашная отметка исчезла. И его грубо оттолкнули.

«К горькой обиде примешиваются горькие мысли, — пишет П. Шмаков, — что ж я понесу матери на обед? Кроме хлеба, нести нечего. Она будет ждать, как всегда. Усталая, с серыми натруженными от тяжелой работы руками».

Слезы обжигали щеки мальчишки. Он не мог удержаться от рыданий. И тогда из очереди вышел человек. Он подошел к подростку, взял его за шиворот, провел куда-то вперед и поставил в свою очередь. А сам молча зашагал в конец очереди.

«Меня подтолкнули. Я приподнялся на цыпочки и протянул карточки в окошечко...»

Понимает, что такое война, и Виталька Семенов, заменивший на заводе ушедших на фронт мужчин («Вьюжной ночью»). Не забудет ее и Герой рассказа «Сизарн», так мечтавший завести голубей, а потом вынужденный — ради больной сестренки — обменять их за пригоршню муки...

Много разных впечатлений и мыслей остается, когда закроешь последнюю страницу «Ветки рябины». Перед глазами, словно наяву, стоят живые картины природы — так прост и в то же время сочен язык писателя.

«За речушкой сразу горбилась Заячья гора, за которую стекало синее-синее небо. И такое оно было бездонное и такое близкое, совсем как бывало в полузабытом детстве, когда закатывал штаны до колен и в серебряных брызгах вскачь припускал через перекат...»

Хорошую книгу подарил писатель-земляк.

Михаил САУЛОВ.